

Последние десять лет Егор Чащин писал «в стол». А куда ему ещё писать, коль его романы никто не публикует? «Если можешь не писать, – не пиши», – советовал братьям по перу гениальный граф Лев Толстой. Многие из них прислушались к классику. Многие, но не Чащин.

Егор не писать не мог. «Бумагомарание» было его ежедневной работой, образом жизни, смыслом существования. Он был одинок, имел неуживчивый характер и первую группу инвалидности. Детей у Чащина не было, с супругой развёлся ещё двадцать лет назад, друзьями-приятелями не обзавёлся.

Последнее мужчину особо не огорчало: дружба и семья – понятия круглосуточные, сильно отвлекающие от главной цели – стать культовым писателем, книги которого выходят бешеными тиражами. Творца, чей телефон не замолкает от просьб дать интервью, появиться на награждении, поучаствовать в ток-шоу, согласиться на экранизацию его очередного детища. А он, весь такой культовый, бросает им всем через плечо: «В очередь, сукины дети!».

А ведь было же времечко золотое лет пятнадцать назад, когда два его романа увидели свет в самом крутом российском издательстве. Тиражи были, страшно подумать, – тридцать тысяч экземпляров! И заплатили тогда прилично. Авторскую серию пообещали... А потом вдруг – бааах! – и перестали узнавать. На телефонные звонки реагировали с плохо скрываемым раздражением, редакторы отфутболивали к попкам-секретаршам. Те, в свою очередь, рекомендовали обратиться в другие издательства.

Обращался. Даже папку отдельную завёл для отказов. Распечатывал их, подкалывал скрепочкой к общей куче и перечитывал ежевечерне, посыпая свою душевную рану крупной морской солью.

Самым обидным было то, что претензий к его творениям у издателей не было. Ни-ка-ких! Никто ни разу не написал, что романы его плохи, скучны, непрофессиональны. Причины отказа были надуманными и неубедительными:

«С некоторых пор мы работаем только с переводами зарубежных авторов»;

«Предложенный материал не является форматным для нашего издательства»;

«Ваш роман весьма неплох. Публикуйтесь! Когда о Ваших книгах заговорят критики, мы непременно предложим Вам сотрудничество»;

«Мы больше не ищем новых авторов, едва успеваем заниматься теми, с кем уже заключили договора»;

«Издательство погребено под завалами рукописей, не отвечающих нашему, изменившемуся, представлению о книжном рынке, а посему не рассматриваем тексты, направляемые сюда без нашей просьбы»;

«В связи с кризисными неурядицами, мы сменили специализацию и теперь издаём лишь техническую литературу. Художественную – только на деньги найденных авторами спонсоров»;

«У нас больше нет прозаической «мужской» линейки. Сейчас мы издаём исключительно дамские сентиментальные романы. От всей души желаем вам найти издательство, которое с радостью примет ваше произведение».

Чащин такого издательства не нашёл. Не нашёл он и денег. Откель у бабки трудодни? На пенсию по инвалидности не разгуляешься. Утешало лишь то, что он такой не один. Друзья по несчастью делились на интернет-форумах аналогичными проблемами, сетуя на то, что издательства продвигают лишь «готовые бренды», т.е. авторов, которые уже и без них раскрутились. Как им это удалось? Взяли количеством – по пять романов в год выстреливали.

Егор не сегодня родился. Он знал, что на создание толкового романа уходит год-два. Это – сбор материала, обдумывание сюжета, выстраивание интриги, проникновение в судьбы героев, тщательное выписывание диалогов, работа с деталью. Это – бессонные ночи за клавиатурой, полные пепельницы окурков и литры кофе в желудке. И не факт, что на выходе получится шедевр.

А романы, написанные за три месяца, пусть даже с помощью «рабов», разве это – литература? Это – рыночный хлам! Уж

сколько он их перечитал – скучно, бездарно, пошло. Но ЭТИХ почему-то публикуют, а его – нет. Обидно и завидно.

И дело тут вовсе не в заработке. Он был согласен издаваться и без гонорара, лишь бы его читали. Но самому платить – это уже перебор. Как сказал в своё время Бернард Шоу, писатель, издающий собственные книги, – это корова, торгующая в молочном баре своим молоком.

Впрочем, тому же Бернарду шестьдесят раз отказывали в публикации его пьес. И Флобер сидел, никому не нужный, в своей Нормандии, жалуясь на огромные долги. А Мопассану вообще написали в служебной характеристике: «Он – хороший чиновник, но плохо пишет». Тем не менее, все они упорно шли к своей цели и, в конце концов, стали великими писателями.

«Так чем я хуже них? – Спрашивал себя Егор, ежедневно усаживаясь перед монитором компьютера. – Ничего, цыплят по осени считают».

Но прошла осень, потом ещё одна, а цыплята Чащина всё томились в «инкубаторе» его письменного стола. «А, может, и впрямь издаться за свой счёт? – шевельнулась в мозгу предательская мыслишка. – Сделал бы себе подарок к полувековому юбилею».

Егор Ильич внимательно изучил предложения издательств «Книга по требованию» и, взвесив свои финансовые возможности, остановился на микротираже – 30 экземпляров. Это не 30 тысяч, как бывалочке, но на безрыбье и жаба – лабардан.

В книгу вошли последний роман Чащина и два ранних рассказа – в качестве «добивки» к основному тексту. Обложка была шикарной: твёрдой, яркой, с портретом автора. Скупая мужская слеза стекла по небритой щеке мужчины, когда он разглядывал алеющие на чёрном фоне буквы, составившие его имя – Егор Чащин.

«Так вот ты какое, писательское счастье? – Шептал Творец, пытаясь унять бешеное сердцебиение. – Я и забыл уже это сладостное ощущение».

Выставив книги на стеллаже, Егор лёг на тахту и смежил веки. Завтра утром он возьмёт один экземпляр и будет с ним ездить в городском транспорте, отслеживая реакцию своих

потенциальных читателей.

Спал Чащин очень тревожно. Снилось ему, что он раздаёт автографы, улыбается узнавшим его попутчикам, смущается от их просьб сделать с ним селфи.

Действительность оказалась более прозаичной. Пассажиры не крутили головами по сторонам, не ловили взгляды попутчиков, не приставали с разговорами. Все ехали, уткнувшись в свои смартфоны. Никто не узнавал автора в мужчине, читающем книгу Егора Чащина. Фото, попавшее на обложку, было сделано десять лет назад, но он ведь почти не изменился...

В салоне автобуса было душно. На следующей остановке вошло много людей. Резко запахло потом, дешёвым одеколоном, перегаром. У Егора Ильича закружилась голова. Он отложил книгу в сторону, стал шарить по карманам в поисках ингалятора. Воспользоваться аппаратом он не успел – потерял сознание. Пришёл в себя уже на улице. Какие-то парни вывели его под руки на воздух, а книга поехала дальше.

Чащин вначале расстроился, а позже здраво рассудил: «Пусть хоть таким путём кто-то ознакомится с моим творчеством. Глядишь, понравится, и читатель захочет сказать «спасибо». Зря, что ли, в выходных данных я указал свой электронный адрес? Доброе слово и кошке приятно».

Вскоре Егор забыл об утерянном экземпляре, а тот, тем временем, продолжал путешествовать.

Сначала он попал в руки девушки, направлявшейся в аэропорт. До Москвы ей было лететь четыре часа и найденное в автобусе чтиво оказалось очень кстати.

Барышня осилила лишь «добивочные» рассказы. Она была поклонницей женских сентиментальных романов. Жёсткие, мужские, её не привлекали. К тому же, книга оказалась довольно увесистой, и по прилёту в столицу была безжалостно «забыта» в такси.

Спустя несколько часов таксист оказался за МКАДом, где и пробил колесо. Пришлось менять. Грунт после дождя был мягким, и парень весь испыхтелся, пытаясь пристроить домкрат под днище. Безуспешно. Железяка все глубже уходила в землю, как нож в масло. Нужна была твёрдая плоская опора,

но где её взять? И тут взгляд таксиста уперся в забытую пассажиркой книгу. «То, что доктор прописал!» – Вздохнул он облегчённо, подсовывая под домкрат источник знаний.

Следующим пристанищем романа Чащина стала съёмная квартира модели Кристины. Нет, книг девушка не читала. Совсем. У неё и на сериалы-то времени не хватало – нужно было отрабатывать подиумную походку с грузом на голове. Увидев в багажнике своего поклонника толстый том с круглой вмятиной посередине, Крис воскликнула: «Опаньки!» и тут же экспроприировала издание.

Вслед за моделью хозяином книги стал дворник Жасур. Найдя роман у мусорного контейнера, узбек забрал его к себе в дворницкую. Чего добру пропадать? Нет, книг он тоже не читал, потому как русским владел в объёме словаря военнопленного. А вот дверь подпереть в подвале, чтобы не хлопала – самое то.

В этот же день какие-то негодяи обнесли помещение, вытащив из него всё, от велосипедов до картошки в мешках. Расследуя преступление, участковый инспектор прихватил в райотдел роман Чащина как вещественное доказательство халатности дворника. «Нет бы в дверь новый замок врезать, так он её настежь распахнул да ещё и книгой снизу подпёр. Может, и преднамеренно», – подумал бдительный правоохранитель.

На какое-то время книга прижилась в райотделе. На неё ставили электрический чайник. Ею били задержанных по голове и по почкам. Правонарушители, ночующие в обезьяннике, клали её под голову вместо подушки.

Читать никто не пытался – многобукафф. Если выдавалась спокойная ночь, дежурные опера предпочитали спать, рубиться в «танки» или играть со своими гаджетами.

Но однажды произошло чудо: книга попала в руки студента ВГИКа, без пяти минут дипломированного сценариста. Парня, направлявшегося с вечеринки домой, задержал наряд ППС. Да, он был не совсем трезв, но порядка не нарушал, не шумел, к прохожим не цеплялся. Шёл себе по тротуару, раздумывая над тем, где взять достойный литературный материал для дипломной работы. Чтоб по размеру уложился в короткий метр. Чтоб острые эмоции вызывал, лучше слёзы.

Чтобы съёмки могли малой кровью обойтись, с минимумом действующих лиц и декораций. Чтоб сюжет был простым и ясным, без вселенских смыслов и авангардных наворотов. Чтоб не классика избитая, а современность. Чтобы Вовке с режиссерского понравился, снимать-то будет он...

И тут: «Предъявляем документики, молодой человек!». Предъявил, объяснил, что живёт в ста метрах отсюда, что чувствует себя хорошо, но ППСники были неумолимы. Не понравился им «дрыщ, косящий под хипстера».

Посадили его в УАЗик, отвезли в РУВД, затолкали в обезьянник. «Не дрейфь, сынок, – похлопал его по плечу дежурный по райотделу. – Заплатишь полтораху штрафа за пьяные фуэте на проезжей части, и – свободен, как мышь в амбаре. А пока посиди, подумай о своём недостойном поведении».

Думал студент о нём часа четыре. Наконец, через решётку ему протянули ручку и протокол об административном правонарушении. На возмущения и протесты не было никаких сил. Он, молча, подложил под листок лежащую на лавке книгу и поставил внизу свою подпись. «Вот и ладушки, – осклабился дежурный, открывая дверь обезьянника. – Всё лучше, чем пятнадцать суток ареста».

Лишь на пороге своей квартиры парень обнаружил у себя в руках ту самую книгу, которая служила ему подставкой. Украл, стало быть. Хотя нет – купил. За полторы тысячи. Как говорится, спасибо, Господи, что взял деньгами. Могли и дубинкой отходить.

На занятия он в этот день не пошёл – события минувшей ночи оказались слишком травматичными для его тонкой впечатлительной натуры. Молодой человек лёг на тахту, раскрыл книгу и... провалился в вымышленный мир, сотворённый Егором Чащиным. Читал до самого вечера. Даже не читал, а жадно глотал страницы, главы, разделы. Когда же закончил второй, «добивочный», рассказ, чётко осознал: всего за полторы тысячи рублей он сегодня купил свой будущий сценарий. Рассказ «Остров» оказался именно тем, что он так долго и безуспешно искал. Всего несколько персонажей,

едущих в ночной электричке, а какой накал страстей! Какие эмоции! Какой выброс адреналина!

Недолго думая, юноша бросился к компьютеру и написал Егору Ильичу письмо. В нём он восхищался талантом писателя и просил разрешения переработать «Остров» в сценарий.

Ответ пришёл мгновенно: «Желаю успеха! Рассчитываю на титр: «По одноименному рассказу Егора Чащина» и файл будущего фильма, который, надеюсь, покорит зрителя».

Надежды прозаика оправдались. «Остров» завоевал несколько международных наград. У молодой талантливой группы вскоре появился спонсор, и она приступила к съёмкам полнометражного фильма «Рабы Божии» по роману, уже известного в узких кругах, писателя.

Фильм имел оглушительный успех у зрителей, был благосклонно принят кинокритиками, удостоился шести наград на международных кинофестивалях. И тут вдруг заработал механизм «кристаллизации имени». Не только режиссёра со сценаристом, но и автора произведений, по которым снимаются фильмы.

К Чащину бросились журналисты, сценаристы, режиссёры, критики, издатели. Его романы рвали на части, предлагая авторскую серию, огромные тиражи, солидные гонорары, мощную пиар-кампанию. Егора Ильича стали звать на ток-шоу, делать с ним интервью, выторговывать права на экранизацию. Теперь он, наконец, мог произнести долгожданное: «В очередь, сукины дети!».

А всё она, путешественница, – потрёпанная книга с круглой вмятиной на обложке.